ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации А.Д. Савиной «Восприятие творчества О. Вилье де Лиль-Адана в России конца XIX – начала XX века» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 «Русская литература» и 10.01.03 «Литература стран зарубежья (литература Европы)»

Диссертационное сочинение А.Д. Савиной посвящено, на первый взгляд, достаточно локальной проблеме. Творчество Огюста Вилье де Лиль-Адана не принадлежит к числу самых популярных в России. Существует лишь одно издание научного типа в серии «Литературные памятники», вышедшее уже 45 лет назад, несколько выполненных с учетом современных требований к переводной литературе, остальные же весьма разнообразны по своим переводческим принципам, известности переводчиков и их талантам. Есть небольшая литература, полностью, насколько я могу судить, использованная автором, которая затрагивает отдельные проблемы как творчества французского писателя, так и его бытования в русской культуре. Не слишком велика и франкофонная литература о Вилье, начавшая появляться сразу после его смерти и время от времени пополняющаяся новыми то более, то менее ценными работами. Вместе с тем во Франции существует издание полного собрания сочинении Вилье в классической серии «Библиотека Плеяды» и солидная, хотя уже и несколько отставшая от времени библиография, что дает возможность опираться на достижения предыдущих поколений исследователей.

Как правило, работы подобного типа, как диссертационные, так и оформленные в виде отдельных статей или даже монографий, ограничиваются лежащими на поверхности явлениями, достаточно хорошо известными и даже популярными, не стремясь проникнуть вглубь. Наглядный пример такого рода – монография, до сих пор являющаяся последним словом в своей теме: Wanner Adrian. Baudelaire in Russia. Gainesville e.a.: University Press of Florida, [1996]. Если обратиться к научной литературе, посвященной рецепции французской модернистской и предмодернистской литературы в русской, то обнаруживается, что ни о Бодлере, ни о Верлене, ни о Метерлинке, ни о Верхарне сколько-нибудь полных исследований просто не существует. Единственным исключением здесь является книга Р.М. Дубровкина «Стефан Малларме и Россия», изданная в 1998 году и в России, к сожалению, труднодоступная. Тем более это касается писателей рангом ниже. А.Д. Савина справедливо говорит в самом начале работы: «Сейчас очевидно, что степень усвоения творчества Вилье в России не сопоставима с популярностью и влиянием Верлена и Метерлинка, не говоря уж о Бодлере» (с. 4). Поэтому было бы легко ожидать, что диссертация, представленная к защите, также будет скользить по поверхности.

К счастью, этого не случилось. Охватывая солидный промежуток времени (с 1889 по 1920 год), работа А.Д. Савиной претендует на исчерпание если не темы самой по себе, то на исчерпание материала. Возможно, что другие исследователи будут

рассматривать тот же материал с других позиций, но вряд ли им удастся найти что-либо принципиально новое. Залогом этого является хотя бы простое перечисление тех библиотек и архивов, к фондам которых обращался автор работы, причем не только в России, но и во Франции. Как мы увидим в дальнейшем, это делалось не для проформы, а для подлинного архивного и библиографического поиска.

Работа А.Д. Савиной состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, а также двух приложений, что в общей сложности составляет 334 страницы, то есть в два раза превышает обычный объем кандидатских диссертаций. С формальной точки зрения это может быть оправдано тем, что она претендует на присвоение ученой степени сразу по двум специальностям, а с содержательной – тем объемом рассмотренного материала, который представляется необходимым для полноценного раскрытия темы.

Первая глава посвящена раннему этапу рецепции творчества писателя в России – от выявления и разбора французских источников, повлиявших на переводчиков и критиков 1890—1900-х (а фактически и 1910-х также) годов, до анализа публицистических выступлений Д.В. Философова и Д.С. Мережковского, связанных с творчество Вилье.

Вторая глава анализирует роль творчества Вилье де Лиль Адана для художественного и литературно-критического творчества В.Я. Брюсова, а также для руководимых им журнальных предприятий – «Весов» и «Русской мысли».

В третьей главе автор обращается к осмыслению жизни и литературных произведений Вилье де Лиль-Адана у наиболее преданного его поклонника в России – Максимилиана Волошина. С особо пристальным вниманием А.Д. Савина относится к переводу трагедии «Аксель», выполненному Волошиным, и к известной мистификации Черубины де Габриак, где выявляется слой параллелей с творчеством Вилье.

Наконец, в последней главе рассматриваются появлявшиеся с конца 1900-х и до начала 1920-х годов издания новелл, драм и романа Вилье де Лиль-Адана, что ставит существенную проблему: почему же он не вошел в пантеон тех французских авторов, которые в то же самое время укрепляли свои позиции в российской литературной жизни? Вышло трехтомное собрание его сочинений, целый ряд отдельных изданий, создалась своего рода традиция трансляции его творчества в русскую культуру – и почти на 40 лет (с 1920 до 1959) публикации прекратились, да и после остались достаточно эпизодическими. Четвертая глава дает если не полные ответы (они и не предусматриваются темой), то хотя бы материал для них.

Однако простое перечисление содержательных узлов дает лишь малое представление о том, что именно мы находим в тексте диссертации.

Так, в первой главе мы не только узнаем о критических статьях З. Венгеровой, К. Медведского и Л. Гуревич, относящихся к Вилье, но и о гораздо менее известных выступлениях и жизненной практике А.В. Гольштейн (Баулер), служившей во многом

посредником между русской и французской культурами, о которой сейчас известно разве что исследователям творчества Вяч. Иванова и Волошина, теснее других с нею общвшихся. Но все-таки данные о ее деятельности относятся к числу сведений, вполне добываемых. А вот параграф 1.4., посвященный журналу «Северный вестник» и публикации в нем пьесы «Мятеж» содержит настоящее открытие. А.Д. Савина с полной убедительностью устанавливает переводчицу этой пьесы, которая была опубликована без указания имени. Это Софья Аароновна Мочан, несколько раз печатавшаяся в журнале под псевдонимом С.М. К этому открытию (пусть на первый взгляд и небольшому) привел архивный поиск, причем не по очевидным путям. Оттиск с именем переводчицы и ее инскриптом был обнаружен в т.н. «Пражской коллекции», т.е. заграничном архиве Герцена и Огарева, а не в очевидных для поисков архивных фондах.

Не столь заметно, но все же примечательно обнаружение еще одного переводчика – Л. Голдрина, именем которого (вместе с пока что не проясненным В. Бидо) был подписан перевод рассказа «Герцог Портландский» в журнале Мережковских «Новый путь» (1903, № 6). Вполне убедительно показано, что это знакомец К.Д. Бальмонта еще по Шуе Леонид Федорович Голдрин, который время от времени исполнял разные поручения поэта, а тот взамен помогал ему печататься.

Весьма интересен подробный разговор о рассказе «Убийца лебедей», переведенном З.Н. Гиппиус и напечатанном в журнале «Новый путь». Как известно, Гиппиус, хотя сама писала рассказы по-французски, почти не обращалась к переводам. В «Новом пути» были напечатаны два – А. Франса и Вилье де Лиль-Адана. Кстати сказать, в библиографии Гиппиус числится и еще один перевод из Вилье – «Глас народа» (Чтец-декламатор / 2-е изд. Киев, 1909. Т. 3. С. 257—260; см. Гехтман М.В, Моя Зинаида Николаевна Гиппиус. М., 2016. С. 327). Но «Убийца лебедей», который подробно разбирается, важен во многих отношениях, прежде всего потому, что он становится существенной составной частью дискурса триады Гиппиус-Мережковский-Философов, также проанализированного не менее тщательно.

На таком же глубинном уровне идут анализы влияния творчества и поэтики Вилье де Лиль-Адана на творчество Брюсова и Волошина, которые и пропагандировали его, и переводили, и издавали. Основательно проработана и исследовательская литература, и неизданные материалы, хранящиеся в архивах. Даже там, где, казалось бы, можно было довериться предшественникам, А.Д. Савина перепроверяет их утверждения, с радостью воспринимая точность и без гнева фиксируя отступления от нее. По ее работе отчетливо видно, как Вилье встраивается в основания символизма, создаваемого Брюсовым еще в 1890-е годы, и почему он становится одним из тех сравнительно немногих прозаиков, которым он отдает дань как в своем творчестве, так и в критике, и в переводах, выходящих под его наблюдением. То же самое мы наблюдаем в случае Волошина, хотя здесь у автора остается меньше пространства: как известно, архив Брюсова исследован

явно недостаточно, и там ищущего ожидает масса находок, тогда как недавнее собрание сочинений Волошина, задуманное В.П. Купченко и доведенное до конца А.В. Лавровым (конечно, при помощи немалого числа помощников, но все же именно он был главным организатором не только печати собрания сочинений, но и соответствующего изучения архивов, прежде всего фонда 537 в ИРЛИ), почти исчерпало тот разнообразный материал, который находится в распоряжении ученых.

Вместе с тем и здесь автор диссертации находит углы зрения и повороты повествования, которые придают диссертации новизну. Таково исследование раннего, еще допечатного стихотворчества Брюсова, у истоков которого стояла статья уже упомянутой выше З. Венгеровой «Поэты-символисты во Франции»; таково рассмотрение предисловия Брюсова к едва ли не первому по-настоящему серьезному изданию «Жестоких рассказов» (1908). Диссертант не просто фиксирует кажущиеся ему существенными особенности брюсовских произведений, но объективирует их, обращаясь к творческой кухне – черновикам и уже перебеленным автографами ранних лет, а далее – к пометам Брюсова на полях его собственного экземпляра «Contes cruels». Но учет «мелочей» отнюдь не мешает внимательному и точному определению главных источников Брюсова как автора предисловия. Вряд ли он особенно придирался к переводу своей свояченицы Б.М. Рунт, которая у современников, ее знавших, пользовалась репутацией жизнерадостной и симпатичной, но вовсе не глубокой писательницы, но все же и на это обращено внимание, равно как и на последующие подступы Брюсова к прозе Вилье де Лиль-Адана.

У М. Волошина был другой ключ к творчеству Вилье – оккультизм. В 1907 г. он покидает Петербург после тяжелой истории, пережитой там, которая была густо замешана на теософском настрое А.Р. Минцловой, и перечитывает «Аксель» Вилье де Лиль-Адана, где открывает для себя подлинный оккультизм. Переводит трагедию он только через два года, уже в новых обстоятельствах, когда ему не надо активно бороться с Вяч. Ивановым, когда утерял остроту конфликт с ним и М.В. Сабашниковой, когда Волошин был избавлен от прямого воздействия А.Р. Минцловой и когда развивался роман между ним и Е.И. Дмитриевой (будущей Черубиной де Габриак), для которого ему нужно было одержать победу над Н.С. Гумилевым. Это меняет перспективу первоначального впечатления от «Акселя», выразительно описанного на с. 162 диссертации, когда «проникнутая розенкрейцеровской символикой драма, вполне приемлемая для прочтения сквозь призму теософии, позволяла – по крайней мере в интерпретации Волошина, -- противопоставить любым догматам собственный духовный поиск».

В 1909 году он, переводя драму Вилье, как кажется, отказался от теософии как от темного начала. Тут он мог бы на какое-то время присоединиться к формуле Эллиса, данной им в письме к Н.П. Киселеву: «Ужас теософии – ясновидения глухие и немые»

(РГБ. Ф. 128/III. Карт. 12. Ед. хр. 2. Л. 35об). Это увидено автором диссертации совершенно точно и передано на с. 173—174 работы, а подтверждается реакцией Дмитриевой, узнавшей о намерении Волошина отдать «Акселя» и «Вестник теософии»: «"Теос<офский> в<естник>" – ведь это верх безвкусия и пошлости» (С. 218).

Вслед за этим следует тонкий анализ мистификации, возникшей вокруг личности Черубины де Габриак, представляющийся мне одной из самых тонких интерпретаций важного для истории русской литературы и журналистики эпизода, к которому и много лет спустя как его участники, так и исследователи обращались как к ключевому моменту в переломе на пути от символизма к постсимволизму, не говоря уж о его мистических корнях.

Столь же убедительны параллели между Вилье де Лиль-Аданом и Достоевским, увиденные в разных контекстах: «самоубийство Акселя по своему внутреннему смыслу подобно самоубийству Кириллова» (С. 193) в ранней статье о пьесе и более поздние размышления (во многом реконструируемые автором диссертации) о близости «Легенды о Великом Инквизиторе» из «Братьев Карамазовых», образа архидиакона из «Акселя» и новеллы «Торквемада», подписанной именем Ля Люберн, где отразились идеи Вилье (случай, во многом аналогичный «Уединенному домику на Васильевском»).

Наконец, в последней главе прослеживается, как транслируется творчество Вилье в более «низкие» круги русского образованного общества. Вместо Анненского, Брюсова, Гиппиус, Волошина его переводят Мирэ, Натан Эфрос, меценат издательства «Скорпион» С.А. Поляков, жена Г.И. Чулкова Надежда Григорьевна (таково предположение А.Д. Савиной, кажущее вполне правдоподобным), малоизвестный литератор Иероним Арденин, вовсе затерянная в истории литературы М.А. Татаринова. Но и здесь находятся существенные для истории литературы моменты: перевод С.А. Полякова отражает черты той литературной эволюции, которая следует за октябрьской революцией и входит в принципы перевода; влияние романа «Будущая Ева» «ярко и неожиданно отразилось в совершенно разных по жанру текстах: критике Пяста, философской книге Бердяева и новелле Мирэ» (С. 266).

Все это изложено хорошим русским языком (что не лишне упомянуть, поскольку слишком часто диссертации пишутся на псевдонаучном волапюке), логически выстроено, убедительно доказывается, библиография близка к исчерпанию. Автореферат верно и полно отражает содержание диссертации, названные в нем публикации автора свидетельствуют о более чем достаточном публичном оглашении затронутых в работе проблем и выводов. Тем самым общая оценка работы должна быть самой высокой.

Вместе с тем долг оппонента обязывает отыскать даже в такой почти безупречной диссертации хотя бы малые погрешности, и я не премину это сделать.

Знаменитая французская «Плеяда» -- не издательство, как то утверждается на с. 12, а серия изданий, что вполне ясно и из примечаний, где означено издательство «Галлимар».

В первой главе при разговоре о критических статьях З.А. Венгеровой, прямо посвященных Вилье или тех, где он упоминается, было бы, как кажется, не лишним сослаться на единственную работу об этом незаурядном посреднике между литературами Европы и России – книгу Neginsky Rosina. Zinaida Vengerova: In Search of Beauty. A Literary Ambassador between East and West. 2nd revised edition. F. a. M. e.a.: Peter Lang, [2006].

Иногда хочется видеть не только утверждения автора о том, с какими источниками он работал, но и перечисление тех, которые были им использованы, но результатов не принесли (например, при поисках сведений о личности С.А. Мочан), и которые не удалось охватить (например, архив А.В. Гольштейн в Бахметевском архиве Колумбийского университета).

Также относительно работы с архивным материалом. На с. 139 читаем: «В фонде Брюсова ОР РГБ нами обнаружено 8 архивных листов рукописного текста...» Почти 30 лет тому назад Н.В. Котрелев вполне отчетливо сформулировал: «Сегодня предельно актуально осознание категориальной пары «опубликованное — неопубликованное». Цитированная переписка Гиппиус с Брюсовым — уже опубликована в силу того, что она находится в открытой части собрания отдела рукописей государственной библиотеки, где оформлена — т. е. представлена в поисковых документах, предназначенных для всех исследователей — именно как таковая <...> рукописная материальная форма существования не отличает принципиально информацию, включенную в общенациональный и общечеловеческий фонд культурной памяти. Напротив, пометы автора на экземпляре, находящемся в общедоступной библиотеке <...> не были обществом опознаны и зафиксированы в своем качестве особого исторического источника, находились в «природном», не обобществленном, не публичном состоянии» (Русская литература. 1991. № 3. С. 132). Так и наброски статей о Вилье занесены в опись фонда 386 ОР РГБ, а также в виде карточки поставлены в каталог, т.е. по крайней мере уже обнаружены сотрудниками, обрабатывавшими фонд.

Еще из области источниковедения и библиографии. Письма Гиппиус к Брюсову было бы лучше цитировать по публикации М.В. Толмачева, претендующей на полноту, помещенной в «Литературоведческом журнале», а не из вторых рук, даже таких надежных, как руки М.М. Павловой (С. 90). Стоило в прим. 262 (С. 114) назвать источник сведений об упоминаниях имени Вилье в «Весах» -- это присутствующий в библиографии указатель содержания «Весов», составленный А.Л. Соболевым.

Было бы, вероятно, полезно пояснить, откуда появилось в тексте Д.В. Философова определение: «...в «перепертом» на русский язык виде...» (С. 125): это рефлекс эпиграммы Тургенева на переводы Н.Х. Кетчера из Шекспира.

Тут я уже перехожу к языковым мелочам. Вряд ли оправдан упрек в адрес З.Н. Гиппиус: «встречаются излишние притяжательные местоимения («запрятывал свои ноги»)» (с. 96). Как раз в этом случае «свои» вовсе не режет слух.

Не стоит в авторском тексте использовать то написание иноязычных фамилий, которое принято автором цитируемой работы. Если в цитате из статьи Философова «Виллье» воспринимается естественно, то «Виллье-де-Лиль-Адан» в речи автора диссертации (С. 124) режет взгляд.

На фоне выдержанного стиля всей диссертации неуместным выглядит анахронизм: «культового для русского читателя автора – Ф.М. Достоевского» (С. 189)

Подлинная фамилия автора «Аполлона» была Чудовский, а не Чудовской (С. 256, прим. 513; то же повторено и в библиографии).

Явной опечаткой, хотя и обидной, выглядят инициалы жены Г.И. Чулкова – Н.С. вместо Н.Г. (С. 87). Далее она названа верно.

Из соображений не обязательных, но, возможно, имеющих некоторое значение для дальнейшей разработки темы. Вероятно, было бы полезно подумать на тему о параллелях между прозой Вилье де Лиль-Адана и рассказами Эдгара По, которые как раз в это время чрезвычайно активно формировали канон предсимволистской прозы, чему залогом служили переводы Бальмонта. А если бы удалось более конкретно, чем это было сделано в издании «Литературных памятников», обнаружить воздействие тех же рассказов на творчество Вилье, то возникла бы чрезвычайно любопытная ситуация, достойная внимательной разработки.

В работе проводятся параллели между рассказами Брюсова и Вилье. Но не стоит ли подумать о том, что само название «Жестокие рассказы» могло спровоцировать редко упоминаемую и как бы затушевываемую исследователями садо-мазохистскую тему у Брюсова как в прозе, так и в стихах. В послесловии к одному из таких рассказов, «Добрый Альд», С.С. Гречишкин и А.В. Лавров как наиболее явный ориентир Брюсова называют «Сад пыток» О. Мирбо (Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 18), однако при достаточно хорошо известном интересе Брюсова к откровенной эротике во всех ее проявлениях, когда даже Г. Аполлинер в первую очередь воспринимается им как знаток и собиратель эротической литературы, создание «Новых жестоких рассказов» могло входить в подпочву планировавшегося сборника «Дыба».

Как очевидно всем, знакомящимся с этими замечаниями и соображениями, они не относятся к сфере тех, которые могли бы хоть в малой степени повлиять на результат защиты. Диссертация отвечает всем требованиям, изложенным в пп. 9–11, 13–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением

Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор, Савина Анфиса Даниловна, заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 – «Русская литература» и 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (литература Европы)».

10 сентября 2020 г.

Доктор филологических наук,
профессор Н.А. Богомолов

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
ЗАВ. КАНЦЕЛЯРИЕЙ
ДЯМИНА И.В.

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Сведения об официальном оппоненте
по диссертации Савиной Анфисы Даниловны
«Восприятие творчества О. Вилье де Лиль-Адана в России конца XIX – начала XX века»
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальностям 10.01.01– Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Европы)

Фамилия, имя, отчество	Богомолов Николай Алексеевич
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень	Доктор филологических наук по специальности 10.01.10 – Журналистика
Ученое звание	Профессор
Основное место работы:	
Почтовый индекс, адрес, телефон, web-сайт, электронный адрес организации	125009, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1 +7(495)-629-74-35 http://www.journ.msu.ru/ referent@smi.msu.ru
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
Наименование подразделения	Факультет журналистики, кафедра литературно-художественной критики и публицистики
Должность	Заведующий кафедрой литературно-художественной критики и публицистики, профессор

Основные работы по профилю оппонируемой диссертации за последние 5 лет (не более 15 публикаций):

Печать русского символизма: Уч. пособие. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2020.

Догадка Томашевского // Динамическая поэтика / Поэтическая динамика: Сборник статей к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой. М.: ИМЛИ РАН, 2019. – С. 302--309.

Письма А.А. Кондратьева к В.Я. Брюсову / Вст. заметка, сост., публ. и комм. Н.А. Богомолова и А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 10. – С. 38—107; Литературный факт. 2019. № 11. – С. 146—231.

Валерий Брюсов – историк литературы: Переписка с П.И. Бартеневым и Н.О. Лернером / Издание подготовили Н.А. Богомолов и А.В. Лавров. М.: Литфакт, 2019.

Движущийся ребус: Эпизод из переписки Валерия Брюсова // Текстологический временник: Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Вып. 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. – С. 64—76.

Другое литературоведение: Занятия Подсекции истории русской литературы ГАХН 1925—1929 // Русская литература и философия: Пути взаимодействия. М.: Водолей, 2018. -- С. 461—475.

Символистское жизнетворчество как развлечение // Русская развлекательная культура Серебряного века 1908—1918 / Сост. Нора Букс, Елена Пенская. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 19—30.

Science, revolution, poésie: le cas d'Ivan Nikanorovič Rozanov (1874—1959) // Revue des études slaves. 2017. T. 88. Fasc. 1-2. – P. 167—181.

Mythes sur Guippius et mythes de Guippius: le point de vue du genre // Zinaïda Guippius: Poésie et philosophie du genre / Sous la direction de Olga Blinova. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, [2016]. – P. 155-168.

Письма З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову // Литературный факт. 2016. № 1-2. С. 41--82.

Доктор филологических наук,

профессор Н.А. Богомолов

ПОДПИСЬ Г
ЗАВ. КАНЦЕЛЯРИЕЙ
ДЯМИНА И.В.

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА